Автор: Administrator
14.01.2011 08:10

Вместе с Вордсвортом Скотт считал простых людей лучшим объектом поэтического изображения, ибо на них меньше ощущается все выравнивающая сила культуры и ои живее выражают владеющие ими страсти, но вкладывал в это положение иное содержание: для Вордсворта идея о «самом сильном языке», на котором говорят простые люди, на практике порой претворяется в обеднение речи; для Скотта язык шотландского крестьянства наполняется «античной силой и простотой, окрашенной восточным красноречием Священного писания ... и они придают трогательность их скорби и достоинство их гневу».

Если Вордсворт и Кольридж критиковали Скотта за недостаточную, с их точки зрения, глубину и философичность его поэзии, не понимая, что «его чувство времени, ощущение относительности и инстинктивное понимание живой жизни сами по себе представляют философскую ценность», то Скотт не мог серьезно отнестись к занятной ими позиции учителей и пастырей человечества и считал претензии людей, лишенных понимания истории, преувеличенными, едва ли не комическими.

Из английских романтиков Скотт ближе всего к Байрону и часто говорит о нем с нежностью и уважением. Он ценит его «безграничный гений», великодушие, «полное презрение ко всяческой литературной аффектации»: пример Байрона «создал в поэзии своего рода верхнюю палату». Скотт подчеркивает особую его заслугу: он занят не только поэзией.

Объединяет Скотта и Байрона трезвое понимание современных проблем, живое ощущение исторического процесса, соотнесение настоящего с прошлым, отталкивание

от идеализма немецкой философии искусства, интенсивное чувство преемственности по отношению к завоеваниям как эмпирической и сенсуалистической мысли, так и художественной литературы предшествующего столетия.

В рецензии на третью песнь «Чайльд-Гарольда», опубликованную в разгар травли автора, Скотт пишет: «Каждый поэт должен бы, подобно лорду Байрону, уметь . . . передать читателю точный, определенный, ясный взгляд на пейзаж, чувство или действие, которые он собирается описать». В рецензии на четвертую песнь Скотт превозносит несравненную оригинальность автора, смелость, с которой он пишет собственный портрет, глубину и мощь воодушевляющих его чувств.